

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА В ДИАЛЕКТНЫХ ИМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Абдульхасан Саад Джумаа

ассистент кафедры русского языка и литературы, Багдадский университет, Республика Ирак,
г. Багдад

ACTUALIZATION OF THE LEXICO-GRAMMATICAL CATEGORY OF GENDER IN DIALECT NOMINAL PHRASEOLOGICAL UNITS RUSSIAN LANGUAGE

Saad Jumaah Abdulhasan

*Assistant, Department of Russian language and literature, University of Baghdad, Republic of Iraq,
Baghdad*

Аннотация. В статье сделана попытка представить лексико-грамматическую категорию рода в диалектных именных фразеологических единицах русского языка, зафиксирована в специальных диалектных фразеологических источниках. Установлено, что если к лицу женского пола относятся фразеологические единицы, обозначающие: 1) женщину, не вышедшую или слишком долго не выходящую замуж; 2) недобродетельную женщину, чье поведение оценивается окружающими как недостойное, аморальное; 3) женщину с точки зрения родственных или близких отношений с кем-либо; 4) внешний вид женщины; то к лицу мужского пола относятся фразеологические единицы, обозначающие: 1) мужчину, никогда не вступавшего в брачные отношения; 2) мужчину, имеющего отличительные особенности в характере или поведении. Названа третья группа фразеологических единиц, обозначающих человека, которые на равных употребляются по отношению к лицам как мужского, так и женского пола, и характеризуются гендерной индифферентностью.

Abstract. The article has an attempt to represent the lexico-grammatical category of gender in dialectal noun phraseological units of the Russian language, recorded in special dialect phraseological sources. The following phraseological units showing female gender denote: 1) a woman who has not been married or has not been married for too long; 2) non-virtuous woman, whose behavior is estimated by others as unworthy, immoral; 3) a woman in terms of kinship or close relationship with someone; 4) the appearance of a woman. The following phraseological units showing male gender denote: 1) a man who has never been married; 2) a man with distinctive features in character or behavior. The third group of phraseological units denoting a person has been called. It is equally both used in relation to persons both male and female and are characterised by gender indifference.

Ключевые слова: лексико-грамматическая категория рода, женский и мужской род, диалектный фразеологизм, именной фразеологизм, диалектные лексикографические источники.

Keywords: lexico-grammatical category of gender, female and male gender, dialect phraseological unit, noun phraseological unit, dialect lexicographical sources.

Постановка проблемы. Современный этап развития диалектной фразеологии (Ж. А. Зубова, Р. М. Докучаева, Н. А. Ставшина и др.) пытается сориентировать свое внимание на анализе диалектных фразеологических единиц, а именно – различных *лексико-грамматических категорий* того или иного *лексико-грамматического разряда* (например, именного, адъективного, глагольного и т.д.). Поэтому *грамматический аспект диалектной фразеологии* является актуальным, поскольку грамматическая сторона диалектной фразеологической единицы принадлежит к менее исследованным и описанным, что отрицательно влияет на лексикографическую разработку словарей такого типа.

Конечно, на сегодня существует большое количество работ, которые касаются грамматических свойств фразеологической единицы (Л. П. Гашева, В. Г. Дидковская, Г. И. Лебедева, В. А. Лебединская, А. И. Молотков, Ф. И. Никоновой и др.), что подтверждается взглядом Е. М. Лазуткиной: «Для устойчивых выражений вопрос морфосинтаксических характеристик особенно важен, поскольку фразеологизмы исторически складывались в языке как фрагменты смысла высказывания и регулярно воспроизводятся в речи как «коммуникативные заготовки», соответствующие авторскому замыслу и заданной стилистике общения. Несоблюдение правил включения таких выражений в ткань речи ведет не только к разрушению фразеологизмов, но и к нарушению смысла высказывания» [2, с. 104].

Цель статьи – представить лексико-грамматическую категорию рода в диалектных именных фразеологических единицах (далее – ФЕ) русского языка.

Анализ последних исследований и публикаций. На современном этапе развития русской диалектологии имеется огромное достижение фундаментальных работ, которые посвящены изучению фонетики, лексики, грамматики, словообразования русских говоров. При этом *диалектная фразеология* развивается как самостоятельная база знаний, где уже была сделана попытка описать: 1) фразеологический состав русских народных говоров, а именно: функционально-семантическую таксономию сибирского фразеологического материала (А. И. Федоров); 2) семантические классы ФЕ, которые употребляются в псковских говорах и описывают человека, время и количество (Л. А. Ивашко); 3) преобразования как в компонентах, так и в образах, которые составляют основу «фразеологизированных слововыражений» в псковских говорах (Л. Я. Костючук); 4) динамику фразеологической системы русского языка (В. М. Мокиенко); 5) смысловую структуру диалектных фразеологических единиц говоров Новгородской области (Н. И. Лавров). При этом грамматическая составляющая диалектной фразеологии рассматривалась в работе Н. А. Колебева, а отдельные грамматические свойства ФЕ в работах А. П. Окунева, Г. И. Лебедевой, Ф. И. Никоновой, А. А. Хуснутдинова и др.

Фактический материал. Материал для анализа и описания был взят со специальных диалектных фразеологических источников, среди которых: Новгородский областной словарь, отв. ред. В. П. Строгова (1992–2000); Псковский областной словарь с историческими данными (1967–2004); Словарь вологодских говоров, ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (1983–2005); Словарь говоров Русского Севера, под ред. А. К. Матвеева (2001–2005); Словарь псковских пословиц и поговорок, сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина (2001); Фразеологический словарь русских говоров Сибири, под ред. А. И. Федорова (1983) и мн. др.

Изложение основного материала. Сразу необходимо отметить, что в научных работах, описывающих фразеологический состав русских народных говоров, упоминаются некоторые лексико-грамматические разряды ФЕ, однако их перечень не является конечным, в результате чего единицы самых проблемных разрядов оказываются за рамками лексико-грамматической классификации, скрываясь за сокращениями типа «и др.». Вспомним хотя бы слова Н. И. Лаврова, который пишет следующее: «На основе общего категориального значения (предметность, процессуальность, признаковость) диалектные ФЕ, как и литературные, объединяются в семантико-грамматические разряды: субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные и др.» [1, с. 16].

А. И. Федоров выделяет в русских говорах Сибири «функциональные группы» ФЕ, положив в основу своей классификации *функционально-семантический принцип*, который учитывает то,

«какую роль в предложении выполняет данный оборот (что он характеризует), что представляет собой его целостное значение и как оно определяет валентность этой ФЕ» [7, с. 48]. Этому ученому удалось выделить семь групп диалектных ФЕ: наречно-обстоятельственные, глагольные и междометные ФЕ, а также ФЕ, соотносительные с именами существительными и модальными словами, ФЕ предикативно-атрибутивного типа и ФЕ, функционирующие в качестве самостоятельных предложений [7, с. 49-113]. Несмотря на явные нестыковки в распределении фактического материала по названным группам, нельзя не согласиться с мнением ученого, который считает, что «функциональная классификация диалектных фразеологических оборотов особенно важна на первом этапе их изучения. Она помогает разграничить фразеологические омонимы и дает возможность определить валентность фразеологических оборотов, от чего зависит точность определения их семантики. Последнее обстоятельство особенно важно потому, что во многих случаях тип модели фразеологической единицы не соотносится с типом семантики: ср. *как бубен (пропился)* ‘совершенно догола’; *как (лесной) одуванчик* ‘рыжий’» [7, с. 49].

При этом другой ученый – А. И. Молотков – полагает, что лексико-грамматические разряды ФЕ русского литературного языка, известных всем говорящим на русском языке и употребляемых в речи повсеместно, и лексико-грамматические разряды ФЕ диалектных, ограниченных в своем употреблении только определенным ареалом, будут по существу одинаковыми, имеющими общие признаки, общие критерии разграничения [3, с. 212-213]. Н. И. Лавров поддерживает это мнение и утверждает следующее: «Сопоставление диалектных и литературных ФЕ в категориальном отношении не дает оснований говорить о наличии между ними каких-либо качественных расхождений. В диалектной фразеологии так же, как и в литературной, выделяются субстантивные, глагольные, адъективные, адverbиальные и др. единицы» [1, с. 18-19]. Стоит обратить внимание на такое высказывание: «Большинство исследователей приходит к выводу о том, что ФЕ говоров и литературного языка имеют одинаковую лексико-грамматическую организацию» [5, с. 69].

Предполагаем, что начало лексико-грамматической классификации фразеологического материала было положено «Фразеологическим словарем русского языка» (1967 г.), где были выделены шесть лексико-грамматических разрядов фразеологизмов: именные, адъективные, адverbиальные, глагольные, глагольно-пропозициональные и междометные. Поскольку не все фразеологические единицы русского литературного языка укладывались в эту классификацию, в названном словаре лексико-грамматическая характеристика при каждой описываемой единице не обозначалась, однако она нашла отражение в типах дефиниций. Оставшиеся за пределами этих шести разрядов фразеологизмы рассматривались редактором «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молотковым как исключения, требующие особых комментариев [4]. Впоследствии оказалось, что эти «исключения» представляют собой вполне самостоятельные лексико-грамматические разряды (неопределенно-количественные, местоименные, адverbиально-предикативные, модальные фразеологизмы), просто значимость каждого из трех выработанных критериев для выделения этих лексико-грамматических разрядов не является одинаковой [8].

В пределах этой статьи попытаемся рассмотреть лексико-грамматическую категорию рода именных ФЕ, представленных в лексикографических источниках по диалектной фразеологии.

Каждая именная ФЕ может быть охарактеризована по **роду**.

Род фразеологизмов, обозначающих не-лицо, всегда соответствует роду опорного компонента в составе ФЕ. Например, ФЕ, которые относятся к мужскому роду: ХИТРЫЙ МЕШОК – ‘тюрьма’; Баенный лист – ‘небольшая камбала’; ВДОВИЙ ДВОР – ‘особый рисунок, образуемый венами на тыльной стороне кисти руки’ и др.; к женскому роду: ШУХА-ВАЛЮХА – ‘кое-что, всякое негодное тряпье и т. п.; ненужные вещи’; ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ – ‘рак желудка или пищевода’; КОШАЧЬЯ ГОРА – ‘настил для спанья под потолком избы, полати’ и др.; к среднему роду: ВЛИЯНИЕ МОЗГОВ – ‘кровоизлияние в мозг’; ЖИВОЕ СЕРЕБРО – ‘ртуть’; БОЖЬЕ НЕДОПУЩЕНЬЕ – ‘ситуация, когда никак не получается сделать что-либо, никак не удается добиться какого-либо результата’ и др.

В отличие от существительных, у именных фразеологизмов категория рода «функционирует как почти полностью не выраженная внешними по отношению к ФЕ согласуемыми словами»

[9, с. 125]. Примеры, в которых род диалектной ФЕ может быть определен не только по форме ее главного компонента, но и по ее синтаксическому окружению, редки: ВЛИЯНИЕ МОЗГОВ – ‘кровоизлияние в мозг’: *Влияние мозгов в голову ему сделалось, так он и помер.* (Медв.) → о значении среднего рода у фразеологизма ВЛИЯНИЕ МОЗГОВ можно судить по глагольной форме прошедшего времени; ШУХА-ВАЛЮХА – ‘кое-что, всякое негодное тряпье и т. п.; ненужные вещи’: *У меня сын всё увез, осталась одна шуха-валюха.* (Кр.) → на женский род фразеологизма ШУХА-ВАЛЮХА указывают формы глагола и числительного.

Именные фразеологические единицы, обозначающие человека, могут образовывать соотносительные по роду пары. К примеру: мастер на всякое место и мастерица на всякое место – ‘человек, искусный в любом деле’; ДВОРОВЫЙ БАТЮШКА – ‘мифическое существо, живущее во дворе и присматривающее за скотом’ и ДВОРОВАЯ МАТУШКА – ‘мифическое существо, являющееся, по поверью, супругой дворового духа’; дурак (дура) гранёный (ая) – ‘крайне глупый человек’; из дурав дура – ‘очень глупая женщина’ и из дураков дурак – ‘очень глупый человек’ и т. п.

Наличие таких противопоставленных друг другу наименований мужчины и женщины напрямую связано с реальным разграничением последних по полу, а словообразовательные и лексические средства в пределах ФЕ (*мастер – мастерица, батюшка – матушка* и др.) позволяют рельефно продемонстрировать гендерные различия в русской фразеологии.

Есть в русских говорах две большие группы именных ФЕ, которые относятся только к женскому роду, потому что обозначают только женщину, и только к мужскому роду, потому что обозначают только мужчину.

Исключительно к лицу женского пола относятся, например, ФЕ, обозначающие:

1) женщину, не вышедшую или слишком долго не выходящую замуж: старая девица – ‘старая дева’; невеста без места – ‘о засидевшейся в невестах девушке’; домашняя девка – ‘старая дева’; ДЕВА С белОЙ косоплёткОЙ – ‘о женщине, не вышедшей замуж’; девица-отроковица – ‘незамужняя женщина, «старая дева»’ и др.

2) недобродетельную женщину, чье поведение оценивается окружающими как недостойное, аморальное: широкая дорога – ‘гулящая, распутная женщина’; шлея базарская – ‘распутная женщина’; дикая ветлянка – ‘женщина легкого поведения’; синихина кошка – ‘женщина легкого поведения’; мужичья игрушка – ‘женщина легкого поведения’ и др.

3) женщину с точки зрения родственных или близких отношений с кем-либо: богоданная дитятка – ‘невестка’; сватья – другое платье – ‘свекровь’; гостья из подмостья – ‘женщина, связанная с кем-либо близкими, соседскими и т. п. отношениями’; ночная кукушка – ‘жена’ и др.

4) внешний вид женщины, ср.: доска плоска – ‘о худой женщине’; сухая пикша – ‘очень худая, тощая женщина’; пулиница-слиница – ‘сопливая, слюнявая женщина’; КВАШНЯ КВАШНЁЙ – ‘толстая, неряшливая женщина’ и др.

Исключительно к лицу мужского пола относятся, например, ФЕ, обозначающие:

1) мужчину, никогда не вступавшего в брачные отношения: старый молодец – ‘старый холостяк’; старый жених – ‘немолодой, ни разу не женившийся мужчина’; старый подовинник – ‘мужчина, долгое время не вступающий в брак; старый холостяк’; старый ратник – ‘старый холостяк’; давношний парень – ‘немолодой мужчина, не вступавший в брак’; старый отрок (парень) – ‘старый холостяк’; ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ – ‘о холостом, ни разу не женившемся мужчине’ и др.

2) мужчину, имеющего отличительные особенности в характере или поведении: парень соловецкий – ‘хулиган’; парень с горячего поля – ‘вспыльчивый, неуравновешенный человек’; парень-рубаша – ‘рубаша-парень’; рубаша-мужик – ‘простой, бесхитростный, чистосердечный’; ШАЛЬНОЙ ПЕСТЕРЬ – ‘развратный, беспутный мужчина’; сам себе только хозяин – ‘совершенно независимый человек, поступающий так, как ему хочется, не считаясь с мнением

окружающих' и др.

Как видим, указание на **лицо** определенного пола достигается фразеологической единицей за счет опорных слов женского или мужского рода, особенно маркированных лексическими (*девица, невеста, жених, парень* и т. п.) или словообразовательными (*гостья, сватья, подовинник, хозяин* и т. п.) средствами.

Помимо двух названных в русских говорах существует третья, самая большая по составу, группа ФЕ, обозначающих человека, которые на равных употребляются по отношению к лицам как мужского, так и женского пола. Такие ФЕ характеризуются гендерной индифферентностью, о чем может свидетельствовать дефиниция и иллюстративный материал словарной статьи: *Покойная голова (головушка) – 'покойник, покойница': Хрёсной, покойна голова, работающий был.* (Уролка Сол.). *Покойная головушка, тятиня мама рассказывала; всё, что на земле будёт, всё обсказывала.* (Пегушино Сол.); БОЛЬШАЯ МИЛОСТИНА – 'о человеке, требующем многого': *Ты, Надёшка, большая милостина: то дай, друго дай, а сама всё на пол бросаешь.* (Кольчуг Черд.). *Опять уж сидит у меня больша-то милостина, ждёт, когда подам ему.* (Бельских Сол.); НЕСИДЯЧА КОСТОЧКА – <...> 2. 'трудолюбивый человек': *Дома у Марьи порядок и на работу вместе со всеми успевает, уж несидяча косточка, несидяча.* (Хв.). *Этот зря время не проведет, всё чем-то занят, несидяча косточка.* (Пест.); СКРИПУЧЕЕ ДЕРЕВО – 'ворчун, ворчунья, брюзга': *Ежли дева ворчит, это скрипуче дерево, никуда не годная, ворчит, ворчит.* (Трусово, Усть-Цилемский р-н) и т. п.

Даже в случаях, когда опорным компонентом оказывается маркированное по какому-либо роду слово, ФЕ способна обозначать лицо противоположного пола. Об этом можно судить исходя из контекстов, которые иллюстрируют употребление ФЕ в диалектной речи, или из комментариев к этим контекстам: *Иван бродня – всем родня – 'тот, кто любит гулять, слоняться без дела': Я ведь така, меня везде зовут. Я Иван Бродня – всем родня, меня, как Офимью, везде водят, как Маланью, везде зовут.* (В-Уст, Родионовица); *Трезвенник-язвенник – 'человек, не употребляющий спиртных напитков, ведущий трезвый образ жизни': Непьющего человека называют «трезвенник-язвенник», скажут: вон она-то не пьёт, она же у нас трезвенник-язвенник.* (Лойма, Прилузский р-н); *Первый бес – 'непоседа и весельчак': Я ведь первым бесом была в девках-то, ни одну песню без меня не пели.* (Касиб Сол.); ГАД УБОГИЙ – бран. (о человеке): [...] *Гад убогий (о злой женщине).* (Пск.); ДУРАК ПИСАНОЙ (БЕСПУТОЙ) – 'очень глупый человек': *Дурак писаной (девочке)!* (Прим. 33.) и др.

Если семантическая приспособленность к обозначению лиц обоих полов у подобных ФЕ вполне очевидна, то при их грамматической квалификации возникает закономерный вопрос: к какому роду и на основании каких грамматических признаков они относятся?

Сравним пометы, указывающие на род ФЕ *борона суковатая*, муж. и жен. – 'болтливый человек, перебивающий других во время разговора' и *дроля-макароля*, муж. и жен. – 'любимый человек, милый друг, подруга'. Обе ФЕ могут характеризовать лиц мужского и женского пола одновременно, но значит ли это, что с грамматической точки зрения они на равных могут быть отнесены, судя по пометам, к единицам общего рода?

Толкования именных ФЕ, способных обозначать лиц и мужского, и женского пола, чаще всего являются описательными (представляют собой обороты со стержневым словом *человек*) или переводными (состоят из существительных типа *гулёна, недотёпа, соня*), что подвигает некоторых исследователей [11, с. 167–168] считать их единицами общего рода наравне с названными во втором случае именами существительными. Однако относить все ФЕ рассматриваемого типа к общему роду не вполне оправданно, поскольку в контексте они реализуют грамматическое значение того рода, к которому относится опорный компонент в составе ФЕ, на что указывают исследователи русской фразеологии: «Главные компоненты предметных ФЕ полностью сохраняют категорию рода [...]» [10, с. 24].

Это подтверждается благодаря сочетаемости ФЕ: в пределах фразеолексического сочетания стержневой компонент ФЕ задает тот же род глаголу-сказуемому или местоимению-определению, к которому относится он сам, независимо от того, имеется в виду при этом мужчина или женщина: *Пужало огородное – 'некрасиво или нелепо одетый человек': Пужало огородное из города приехало.* (К-Г. Плоск.); *Комарье сало – 'о худощавом человеке': Кумарье*

сало раскипело. (Ст.); долгое прясло – ‘долговязый’: *Вот како долго прясло выросло.* (Бондюг Черд.); Неповитое сено – ‘о беспокойном человеке’: [...] *Экой ты неугомонный! Эко ты сено неповитое!* (Волог.) и др.

Как видим, контексты употребления ФЕ, при помощи которых можно обозначить лицо мужского пола наряду с лицом женского пола, показывают, что ФЕ с опорными компонентами женского рода (примятая пшеница, дряблая редька, пеша ворона, дикая голова и т. п.) должны считаться единицами женского рода, ФЕ с опорными компонентами мужского рода (беспутный мешок, дидель перелетовый, к каждому замку ключик, барабан пустой и т. п.) – единицами мужского рода, ФЕ с опорными компонентами среднего рода (слезливое болото, родимое пятнышко, чудечко на блюдечке, горло оловянное и т. п.) – единицами среднего рода. Такой вывод соответствует мнению, согласно которому «следует признать морфологический род имен существительных первичным, главенствующим элементом в системе грамматического рода, который определяет род синтаксический, являющийся вторичным, зависимым от морфологического рода» [6, с. 226].

Если же говорить о формальном проявлении значения общего рода, то последнее может быть определено у ФЕ, в компонентном составе которых есть существительное, относящееся к общему роду: таким типам существительным не представляет ни малейшей трудности сочетаться с окружающими словами, имеющими форму как мужского, так и женского рода (хотя эта потенциальная сочетаемость может и не найти отражения в иллюстративной части словарной статьи). К ФЕ общего рода, в которых разные контексты актуализируют либо лично-мужское, либо лично-женское значение, могли бы быть причислены такие, например, сочетания, как *дролечка-макарочка* – ‘возлюбленный (возлюбленная)’; *бака ёра (ерыга)* – ‘беспутный, легкомысленный человек’; *ХРУЛЯ ТАБАЧНАЯ* – ‘о человеке, нюхающем табак’; *мамина растяпа* – ‘маменькин сынок (дочка)’; *КОСАЯ БУЛЫГА* – ‘о косоглазом человеке’; *СЫНЯ-ПЛОСТОСЫНЯ* – ‘растрепаный’ и т. п.

Таким образом, категория рода именных ФЕ, обозначающих лицо, отчетливо проявляется в их способности сочетаться с теми формами согласуемых слов, которые предопределены для каждой родовой разновидности. Исходя из этого именные диалектные ФЕ со значением лица могут быть квалифицированы по роду следующим образом:

- 1) к мужскому роду относятся единицы с опорным компонентом мужского рода, к женскому роду относятся единицы с опорным компонентом женского рода (значение рода в обоих случаях может быть мотивировано не только грамматически, но и семантически);
- 2) к среднему роду относятся единицы с опорным компонентом среднего рода (значение рода таких ФЕ имеет мотивацию исключительно грамматическую);
- 3) к общему роду относятся единицы с опорным компонентом, восходящим к существительному общего рода (значение рода таких ФЕ имеет мотивацию исключительно семантическую).

За пределами грамматической родовой парадигмы остаются именные ФЕ *pluralia tantum* (гробовые наметы – ‘высокий худощавый человек’, *ХОДЯЧИЕ МОЩИ* – ‘об очень худом человеке’, тупые глаза – ‘о слабовидящем человеке’, *бабьи шары* – ‘об избалованном мальчике, мужчине’ и т. п.): форма множественного числа опорных компонентов не позволяет отнести подобные единицы к определенному роду.

Думается, что указание на мужской, женский, средний или общий род именных ФЕ могло бы войти в практику составления словарей русских народных говоров и тем самым способствовать установлению формального или знаменательного характера категории рода диалектных ФЕ.

Выводы. Лексико-грамматическая категория рода в диалектных именных фразеологических единицах русского языка представлена, как правило, двумя родами – женским и мужским. Если к лицу женского пола относятся фразеологические единицы, обозначающие: 1) женщину, не вышедшую или слишком долго не выходящую замуж; 2) недобродетельную женщину, чье поведение оценивается окружающими как недостойное, аморальное; 3)

женщину с точки зрения родственных или близких отношений с кем-либо; 4) внешний вид женщины; то к лицу мужского пола относятся фразеологические единицы, обозначающие: 1) мужчину, никогда не вступавшего в брачные отношения; 2) мужчину, имеющего отличительные особенности в характере или поведении. Помимо двух названных в русских говорах существует третья группа фразеологических единиц, обозначающих человека, которые на равных употребляются по отношению к лицам как мужского, так и женского пола, и характеризуются гендерной индифферентностью.

Список литературы:

1. Лавров Н. И. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы: Учеб. пособие к спецкурсу / Отв. ред. В. П. Жуков. Новгород: Изд-во НГПИ, 1992.
2. Лазуткина Е. М. Грамматическая обусловленность устойчивых выражений (на материале соматических речений) // Грани слова. Сб-к науч. статей. М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 104-110.
3. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977.
4. Молотков А. И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики фразеологических единиц русского языка // Русское языкознание. Киев, 1985, № 9. – С. 3-9.
5. Орел М. В. К вопросу об изучении диалектной фразеологии // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Т. 84. Вып. 3. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – С. 65-70.
6. Пильгун М. А. К вопросу о средствах выражения грамматического рода имен существительных // Аванесовские чтения: Межд. науч. конф.: Москва, 14-15 февраля 2002 г.: Тезисы докладов / Под общ. ред. М. Л. Ремневой и М. В. Шульги. М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 225-227.
7. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1980.
8. Хуснутдинов А. А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Учеб. пособие. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1993.
9. Чепасова А. М. Морфологические категории предметных фразеологизмов // Фразеология – 2000. Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». Тула: Изд-во ТГПУ, 2000. – С. 122-128.
10. Чепасова А. М., Ивашко Л. А. Проблема структурности фразеологического значения // Фразеологическое значение в языке и речи. Межвуз. сб-к науч. трудов. Челябинск: ЧГПИ, 1988. – С. 17-32.
11. Эмирова А. Оппозиция «мужчина – женщина» в русской фразеологии // Грани слова. Сб-к науч. статей. М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 165-169.